

В тесной комнатке, где жила Валя, Григорий чувствовал себя стесненно. Ему казалось, повернется он резко или громко заговорит, и сразу же свалится с этажерки кубырьки с духами, статуэтка умирающего лебеда и зеркало.

Вечер непрошено заглядывает в окно и тихонько стелется на пол. Шторка свинута к косяку. Через окно виден дальний лес с зубчатым верхом, а над ним, на фоне приглушенного заката, темная тучка, длинная, как синьфский меч.

Глядя на лес, на этот меч, Григорий думает о Вале. Вот только что ушла рассыльная правления. Она приходила за Валею. Приехали соседи, за семенами. Но она отказалась. Отказалась грубо.

— Подумаешь, парламентаря послали. Время не рабочее. Не пожар. Завтра отпущу. Так и скажи им. Нисенная с приятным пробором седых волос, женщина смущенно перемывается с ноги на ногу, добавляет:

— Валентина Абросимовна, председателю непременно просил прийти... Вы уж...

— Я, кажется, сказала. — резко обрывает Валя и скрывается у печи, за занавеской.

— Повадь их, — недолго говорит за спиной у Гришки Валя. — Сейчас должен концерт по радио... Время будет...

— Им же семь озиме, — не отрываясь от окна, говорит Гриша.

— Не моя работа. Осточертело мне все, Гришенька...

— О чем ты?

— Жизнь, Гришенька, одна у человека... В городе она познее, в деревне суднее. Ну, как тебе сказать: здесь она замыкается в телегу, в эту раму, тракторы и в эти... кипреи...

Валя вытянула руки, сцепила пальцы до хруста и добавила:

— Палочка мой управляющий трестом. Нам с тобой найдется место под лунным светом.

— Подожди, Валя... А как же?

Гриша повернулся к Вале, шагнул вперед. Но она стояла к нему спиной. И он опять увидел коричневые от загара лопатки, завитки волос на шее.

— В деревне под колхозным солнышком хорошо позагарить или с концертом сюда приехать... Аллодисменты сорвать... Я же пианистка... И не плохая. А здесь пальцы отвякли...

— Но как же, Валя? Ты же агроном? Земля... Ну, понимаешь, не прости...

— Ах, Гриша, Гриша... Разболтался я тут с тобой. Слушай

только меня. А пианино, между прочим, у меня дома есть. Ну, давай чай пить... Ты, Гриша, хороший парень. Знаешь, такой еще неотесанный... Мне с тобой интересно...

На бригадном собрании обсуждался поступок тракториста Ивана Шейкина. Не вырочил товарища. У Воробьева стал комбайн. И сколько он ни просил у Шейкина запасной ремень вентилятора, тот не дал. — А вдруг у меня допнет?.. — упорствовал парень.

Комбайн простоял целый день. Виновник сидит, опустив

весомым сейчас, когда бригада борется за коммунистический труд. И членом этой бригады является Иван Шейкин. Предлагаю комсомольской организации обсудить поступок Шейкина. Навердя ли оставят его ребята в своих рядах...

Агроном строго обвела всех сидящих взглядом и села на табуретку. Гришка с трудом удерживал радость. Валя, его Валя, настоящий хлебороб. Она такая, не терпит сдлинки с совестью. Вот такую он и может полюбить.

А как же разговоры о городе? Да нет, то у нее несерьезно.

Петр Шмаков

РОДИНЫЕ БЕРЕГА

Рассказ

голову. Угловатый лоб от напряжения мокрый, плечи синели. О нем говорят плохо. А ему кажется, что ничего нет особенного. Один человек запасливый, а другой нет. Вот и пусть у него учатся бережливости.

Выступил Кольба, завправщик.

— Я как секретарь комсомола, со всей серьезностью заявляю: в одной семье живем, один хлеб едим, по одной тропке ходим, а вот не замечали человека с червоточкой в душе.

Говорим-говорим о чести хлебороба, а оно, вишь, как оборачивается? Видать, не все в свою душу как следует заглянули... Лоб у секретаря покрылся непривычными морщинами, глаза захмурились.

Гриша сидел на крыльчке вагончика и украдкой следил за Валею. Работала она хорошо.

От нее доставала она на орехи всем, кто нарушал агрохимику, кто допускал брак. Она была резка, грубовата, но ей все прощали. Она же болела за землю, за хлеб! А какой хлебороб мог не уважать человека, рдеющего за крестьянский труд? Понимает Гриша, что входит она в его душу как-то полно, напрямую.

— Делу надо служить... — это заговорила Валя. Голос ее споконный, ровный. В нем звучали твердые упрямые нотки. Гриша и не заметил, когда она поднялась. — А что здесь получается? Прямое предательство. Сегодня в малом не помогу, завтра не поможет в большом. На такого нельзя опереться... Сам поступок, может быть, и незначительный, но он делается

Просто она такая нескладная, непостоянная. В деле найдем, хлеборобском, она сильная...

Врачдице пришла зима. Вчера под ногами тонко похрустывали застелевшие лужицы, а сегодня побелело. Снег выпал ночью.

Григорий любит зиму. Ее характер непостоянный. Погода стоит то ясная, от близны снег виски лопит, то вьюга зарючит — не хочется из дому выходить, то мороз трескуч захвернет. Хорошо в морозы. Сухой снег, скрипучий... Бог разваленок... Опушенные инем березки... Лыжные прогулки... Искристый пар над живым родником...

Зимой у Гришки разведов не меньше, чем летом. Посчитай, с десятком библиотек-переводников по бригадам, да и к тому же обязательство: довести книгу до каждой семьи.

В жизнь Григория прочно вошла Валя. Где бы он ни бывал, слышал о ней. Там она устроила кладовищу разнос за семена, там спорила с заводчицею о перегное, там вела агрономические курсы.

Как-то он дождался конца занятий. Валя не удивилась, встретил Григория в дверях. Они пошли по улице. В зените висела обледенелая луна и холодно освещала улицы. Снег, темно-лиловый, лучился матовым блеском.

Редкие огни в окнах янтарно освещают кварталы у доминок. Коледе влзывают лениво собаки, хлопнет гулко на морозе калитка.

— Ишь, безмолвие...

— И мы одни в этом мире... — в тон ответил Григорий и взял под руку девушку.

— Знаешь, Гриша, у нас дома «Волга» есть. Папа водить не может. Машина меня! дождает. А ты водить можешь?

— Мотоцикл...

— Знаешь, запишишь на курсы шоферов. Пригодится.

— А еще что у тебя дома есть? — спросил Григорий. Он всегда тревожился и чувствовал себя растерянно, когда та говорила о доме.

— Чудак ты, Гриша. Все со временем узнается.

«Век живи и век учись», — рассуждает Гриша. — Вот сколько знаю ее, а все новые и новые сообщения делает. И не спраста. Неужто меня хочет своим богатством развлечь? За чем мне? Она же хорошо понимает, что ни к чему мне ее пианино и «Волга»... А вот нет-нет да и сообщит...

Нахохлились дома в снежных увалах, исподлобья взглядывают на шагающих и улыбаются скрытно, втихомолку.

В комнату на этот раз Валя Григория не пригласила.

— Поздно, милый. Да и пометать хочется... Одной... Спокойной ночи. Не люблю зиму... Скорей бы весна...

И весна нагрнула совсем неожиданно. Подул низовой ветер. Снег посерел, осел, стал пористым. Потом от солнца начал плавиться и расплываться.

А там закурились парком крохотные полтинки с прошлогондией похулой травой. Засквозились, построились деревья.

Оседлав не в меру горячего коня, Валя, осыпанная весенним солнцем, носилась по бригадам колхоза. В левой руке поводья, в правой — хрупкие подсекиники.

Такой и встретил ее Гриша в первой бригаде. Натану поводья, она осадила жеребца и заговорила зло, короткими фразами:

— С Климовым срзалась... Тупица, сосу не... А ты?... Все люди хорошие... Вот и хороши-е!

Григорий знал Климова слишком хорошо, чтобы согласиться с агрономом.

— Напраслина твоя... Сергей Петрович добр.

— Добр?! Ведь неуч, а меня поправлять суется...

— Вечно на земле... Он землю навквоз видит, Климов.

— Э да что говорить? Ты же сам еще слеп. Жизнь не знаешь, Гриша. Тебе надо оторваться от земли. Потом смеяться над собой станешь. Уж слушай меня — не пропадешь.

Григорий смотрел вслед Вале, умчавшейся в солнечное кипение и стараясь прогнать с сердца холодок.

А на заседании правления Валя, как и в чем не бывало, была на высоте. Обсуждался вопрос окультуривания полей.

Доводилось задание по опашиванию полей, по скашиванию сорных участков, раскочерке неудобий.

И когда, казалось, вопрос был исчерпан, поднялась Валя и с такой знакомой Григорию горячностью заявила:

— Лени, что будут вспаханы вокруг зерновых участков, советуем засеять кукурузой. Подрастет и можно скосить в котом скоту. Этим мы возместим затраты, что пойдут на окультуривание...

Гришка был вне себя от счастья. Валя — настоящий хлебороб. Она прирожденный сельтель. Такие не каждый день рождаются. Везером он достал из ящика любимую книгу — Ш. де Кюстер «Легенда о Тиле Уленшигеле», где последние строки были подчеркнуты красным карандашом. Была подчеркнута и фраза: «Последи меня, моя ненаглядная!»

Но хозяйка встретила Григория спокойно. В мягком халате, с бигуди под косынокой, она взяла книгу из рук парня, положила ее на этажерку и протянула:

— Благодарю, но зачем в воздухе чепчики нидать?

Григорий остыл сразу же и подошел к окну. За стеклом лежала весенняя непроглядная темнота. Она словно отнесная стена прижималась к домику.

— Сейчас чай изготавлю. Разговор есть к тебе. Я писала, Гриша, о тебе маме и папе. Со мной они согласны: ты будешь хорошим мужем. Послем в гости. А через год и совсем. Там моя...

Валя, что за сюрприз? Сгораешь на работе, а дома о ней говоришь... Убежденно-то должно быть?

— Отмечаю, — перебила Валя ровным и уверенным голосом. — Ты делаешь успехи. Говорить хорошо стал. Повращаешься в городе — совсем культурным станешь. Знаешь, Гриша, какой наш прекрасный город... А ты слышал Чайковского в исполнении Георгия Гинзбурга? Услышишь — не вернешься в деревню.

— Ты, Валя, только и говоришь о театре. А люди? Они везде хорошие.

— Город — это город. Прекрасное, живое чудиче.

Валя вскинула голову, засмеялась. На шее закипела сияя жила. И Гриша вдруг с горячью подумал, что ему не целовать этой милой, дорогой жидки...

— Завтра мы с тобой берем отпуск и... айда... Вокзал, последний сигнал.

— А может ты не поеду? — глухо выдал Григорий, не поднимая глаз.

— Это у тебя пройдет, Гриша... Валя подошла к парню, запустила пиятерно в густые волосы... — пройдет...

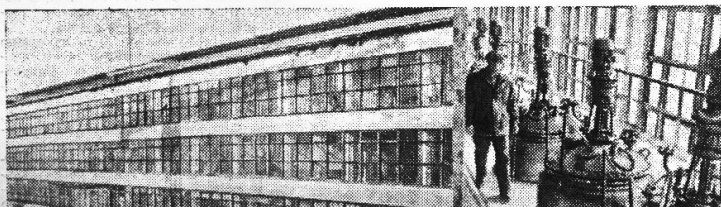
Григорий. Не помня себя, вскочил и выбежал на улицу.

Он тажело дышал. С трудом передвигал ноги. Шел по родному селу, в котором родился, из которого в сорок первом навсегда ушел отец, где он, Григорий, знает каждое гнездо в Климовской балке, знает все до единого омутка на синеглазой речке Ние, ее родные берега.

На сердце кипела обида и было чувство, словно его жестоко обманул этой ночью в самом больном и сокровенном.

Через два дня Валя уехала утренним поездом. Уехала одна.

ГИГАНТ „МАЛОЙ“ ХИМИИ

// Ленинское знамя, 1966, 8 февраля, с. 4.